

КОГДА СНЫ СБЫВАЮТСЯ

Кто бы что ни говорил, а русские люди умели выбирать места для своих селений: в излучине реки, на склоне холма, в низине, рядом с тучными черноземами, чтобы земля рождала, чтобы достаток был в доме и живность по двору ходила.

Под Верхним Мамоном Дон особенно хорош. В этих местах он красив, могуч и полноводен. Земли пригодные для успешного хозяйства.

После Азовских походов царя Петра здесь обосновались первые переселенцы. Это были отставные служилые люди с семьями.

Как установил местный краевед Дмитрий Федорович Шеншин: «Поселение на реке Мамонке возникло в 1702 году как застава Острогжского казачьего полка. Через село по оживленному водному пути пролегал Черкасский почтовый тракт».

Николай Васильевич Берлев родился в этих местах, рос в православной семье, таковым считал себя всегда. В Нижнем Мамоне окончил семилетнюю, а затем и среднюю школу.

Отец его, Василий Семенович, работал в местном лесничестве. Сорок лет деревья сажал. Ни один черенок, что брал в руки, не пропал —

все прижились! Деревца по одному скрупулезно считал, рисуя палочки карандашом в тетрадке, которые потом превратились в сотни гектаров леса.

Мама, Пелагея Васильевна, работала в колхозе. Копала, полола, косила, вязала снопы, скирдовала.

— Отбатрачила сорок лет в поле, — говорила баба Поля. — Ни одного отпуска, ни одного выходного. Даже если рожать приспичило. Дала жизнь маленькому человеку — и бегом в поле.

Тринадцатилетним мальчиком Коля уже научился катать валенки. Засыпал с вечера, а в полночь его будили и до рассвета с родителями, не разгибаясь, трудился при свете керосиновой лампы. Односельчане несли шерсть, деньги за работу, хотя небольшие, но хватало, чтобы прокормить большую семью. Как-никак, а у Берлевых четверо деток.

А ночью работали потому, что днем внезапно мог появиться фининспектор. Тогда, поймав на месте, мог сообщить куда следует.

В 14 лет Николаю приснился сон, что служит он в Москве, в самом Кремле, и стоит на посту у Мавзолея. В 19 лет сон сбылся, стал реальностью. Николая Берлеву призвали на срочную службу в столицу, в Кремлевский полк. Окончив полковую школу младших командиров, Берлев уже нес службу разводящим на посту № 1 у Мавзолея Ленина и Сталина.

— Спустя десять дней после XXII съезда партии поступает приказ от коменданта Кремля генерал-лейтенанта Веденина: «Выполнить ответственное задание Центрального Комитета партии — перезахоронить тело Иосифа Сталина, — вспоминает Николай Васильевич. — Нас переодели в «хэбэшную» форму, и мы пошли к Кремлевской стене копать могилу Сталину. Потом направились к Мавзолею. Был ноябрь 1961 года. Четверг, как сейчас помню. На часах: 23.15.

С кителя Сталина срезали погоны Генералиссимуса и платиновые пуговицы. Все это было в присутствии комендантов Кремля и Мавзолея, их замов и дежурных офицеров. А под гостевыми трибунами на всякий пожарный — рота автоматчиков. Боялись народных волнений.

Тело Сталина переложили в простой гроб... И тут заходит в Мавзолей Анастас Иванович Микоян. Комендант Кремля показал ему в сторону: «Может, хотите проститься?» Но Микоян только махнул рукой и пошел мимо вождя всех народов. Вот она, партийная дружба...

После службы в армии Николай Васильевич работал слесарем на оборонном заводе, а потом был рекомендован в органы КГБ.

— Мне тогда на полном серьезе казалось: кто же из мужчин не мечтает стать чекистом? — говорит Берлев.

В созданную группу антитеррора «А», позже с легкой руки журналистов получившую название «Альфа», он попал в 1974 году. Отбор проходил жесткий — из 150 тысяч сотрудников центрального аппарата оставили только 28 человек. Среди них оказался и 34-летний оперативник 7-го управления КГБ Николай Васильевич Берлев.

ПЕРВОЕ ДЕЛО. ОБМЕН В ЦЮРИХЕ

Первым, самым запоминающимся делом для Берлева стал обмен Генерального секретаря ЦК компартии Чили Луиса Корвалана на отечественного диссидента Владимира Буковского. Тогда, 11 сентября 1973 года, в южноамериканской стране произошел военный переворот, лидером которого был генерал Августо Пиночет, пришедший к власти. Президент Чили Сальвадор Альенде был убит в перестрелке, а Луис Корвалан арестован. И вот в СССР решили обменять его на Буковского, стараясь приурочить это событие к 19 декабря 1976 года — ко дню рождения Лео-

нида Ильяча Брежнева. В этот день Генеральному секретарю ЦК КПСС должно было исполниться 70 лет.

Обеспечение важнейшей для имиджа СССР операции было поручено «альфовцам» Николаю Берлеву и Дмитрию Леденеву. Старшим по команде был назначен майор Роберт Ивон.

Сначала Буковского доставили в тюрьму КГБ Лефортово, затем привезли его мать, сестру и племянника.

— Обмен наметили провести в Цюрихе, прежде всего, из-за нейтральности самой Швейцарии, — вспоминает Николай Васильевич. — Специально экипировали личный самолет председателя КГБ Юрия Андропова и отправились в Цюрих. Обмен проводился тремя послами — советским, американским и швейцарским. Все было примерно так, как показано в фильме «Мертвый сезон»: на взлетной полосе сошлись два автомобиля, в одном из них сидела семья Буковского, в другом — 60-летний Луис Корвалан с женой Лили...

Обратно сотрудники Группы «А» летели в приподнятом настроении. Корвалан по-русски не понимал, говорили по-испански. Единственное, что перевел представитель ЦК, так это слова Лили: «Мои родители всю жизнь мечтали посетить Советский Союз, и я горда тем, что сегодня вместе с мужем лечу в СССР».

Пользуясь возможностью, Берлев взял у «дона Лучо» автограф на том самом журнале «Советский экран», который прихватил в Москве. Корвалан с удивлением разглядывал свое изображение, а потом написал несколько благодарных слов.

— В Минске нас встречали на военном аэродроме, — продолжил рассказ Николай Васильевич. — Приехали два черных ЗИЛа главы республики. Сам Петр Миронович Машеров находился в этот момент в Москве на дне рождения Брежнева. В резиденции чилийцев осмотрел врач, потом был организован ужин. Компанию им составили Рауль Кастро с семьей и начальник информационно-аналитического управления внешней разведки Николай Леонов, который одно время был переводчиком у Фиделя Кастро. В Москву Луис Корвалан с супругой прибыли только 23 декабря. Ну а мы возвратились домой поездом, отбыв в тот же день. С собой каждому дали по ящику водки «Беловежская пуца». Приехали на Белорусский вокзал, где нас встречали руководители 7-го управления. На базе угостились — и по домам.

Остается добавить, что участники обмена получили благодарность от Председателя КГБ СССР Юрия Андропова и премию в размере 160 рублей — деньги, надо сказать, по тем временам немалые.

ШТУРМ ДВОРЦА АМИНА

Позже произошло событие, которое здорово заставило Запад уважать нашу страну, — штурм дворца Амина в Афганистане.

Всему этому предшествовали события, начавшиеся весной 1979 года, когда в Кабул была направлена группа Олега Балашова — сотрудники «Альфы», призванные осуществлять физическую защиту советского посла и членов его семьи, руководителей резидентуры КГБ, а также военных советников в нескольких афганских провинциях.

Николай Васильевич Берлев

— Когда послал Александр Пузанов приезжал в резиденции Тараки и Амина, мы вместе с Балашовым дежурили у дверей, за которыми шли переговоры, — вспоминает Николай Берлев. — За те три месяца, что мы провели в Афганистане, я немного узнал эту очень сложную страну, специфику и ее особенности. Кстати, посол наш был дуайеном — старшим (по количеству лет пребывания в стране) среди дипломатического корпуса в Кабуле, а потому нам с Олегом Балашовым приходилось сопровождать его на различные официальные приемы. Иногда по два, а то и по три раза в день. Очень плотный, насыщенный график.

Однажды мы возвращались после встречи с главой представительства компании «Кока-Кола». По дороге нас заблокировали — собралась большая, агрессивно настроенная толпа. Олег Балашов находился в «Мерседесе», с послом. Я — следом на машине прикрытия, была «Волга».

Провокаторы нас ждали. И когда мы появились, то они стали кидаться на машины, лупили по ним металлическими прутьями. Мы действовали жестко и решительно. Может, кого и задели капотом или крылом, не до сантиментов было. Короче, вырвались. В посольстве, с которым связались, нас уже ждали — ворота были открыты.

Пузанов пригласил нас к себе и разлил по рюмкам «русский бальзам». Как сейчас помню: себе чуть-чуть, нам больше. Выпили за то, что все так благополучно закончилось.

Ближе к вечеру отправились на прием в посольство ФРГ. Между тем, информация о нападении на советского посла уже распространилась по Кабулу. Как всегда, сработал эффект испорченного телефона: Пузанов ранен или убит.

Когда мы с небольшим опозданием подъехали, то нас встретили явно взволнованные дипломаты, ходившие взад-вперед. Увидев Пузанова в добром здравии, они были явно удивлены. Александр Михайлович спокойно поздоровался со всеми — ни один мускул не дрогнул на его лице, о том, что произошло утром, он не обмолвился ни словом.

Во время раута мы находились недалеко от Пузанова. Нас он представил как своих помощников. В какой-то момент к нашему столику подошел итальянский посол:

— Хочу выпить за смелых и умных ребят, — сказал он, пронизательно глядя на нас. — У американцев много шума, а президентов и послов убивают...

Ну а дальше был уже второй заход в Афганистан, декабрь 1979 года, за четыре дня до просоветского переворота. В Кабул прилетели 23 альфовца и около 30 бойцов спецназа группы «Зенит». Штурмовать дворец Амина, находившийся на высоте в полтора километра, должны были 50 человек, которым противостояло 180 отборных охранников. До начала штурма специалисты взорвали все узлы связи, чтобы из дворца не могли послать за подкреплением.

— Наша машина первой взлетела по горному серпантину к воротам дворца — многие были подбиты на дальних подступах к нему, — рассказывает Николай Васильевич. — Нас пятеро, вооруженных автоматами АК-74 и гранатометами «Муха», с боем подошли к парадному подъезду. Группа «Зенит» заняла первый этаж дворца, мы — второй.

По верхним этажам били зенитные установки. Ведь как брали дворец? Врываемся в коридор, в комнату бросаем гранаты, ждем взрыва и после утюжим автоматным огнем. Поднимаюсь на второй этаж и вижу уже смертельно раненного Амина. Поворачиваюсь, смотрю — неприятель с десяти метров, почти в упор, стреляет в меня и попадает... в мой автомат.

Я же отделался легким ранением в руку. У наших — в итоге оказалось трое погибших, а ранены практически все. 130 охранников мы перебили, а 50 оставшихся сдались в плен...

Сразу же, как только рассеялся дым, я отвез в медсанбат двух дочерей погибшего лидера.

Приехав после боя в наше посольство, Берлев на правах старожила связался с институтом Склифосовского, со своим давним другом, хирургом Игорем Коваленко.

— Игорек, вылетай к нам. Много раненых, требуется помощь.

За эти слова, переданные открытым текстом (штурм дворца был закрытой темой, а упоминание о потерях, тем более), майор Берлев едва не попал под трибунал. Но главная задача была выполнена.

Председатель КГБ СССР Юрий Андропов предоставил врачам самолет, и бригада хирургов вылетела в Ташкент, где тут же приступили к спасению тяжелораненых сотрудников спецназа КГБ.

Это позже хирург Коваленко заметил, что не будь «самовольного» звонка Берлеву, к трем погибшим при штурме добавилось бы еще несколько раненых бойцов.

Накануне операции в Кабуле «альфовцев» собирали и довели до них инструкцию начальства: «У кого двое детей, могут выйти из строя». Но ни один не вышел, в том числе и Берлев — отец шестнадцатилетней Наташи и шестилетнего Семена.

При вручении наград председатель КГБ Юрий Андропов произнес: «Слабо мы оценили труд наших ребят, — и стал прикалывать ордена на мундиры бойцов.

За штурм дворца Николая Васильевич Берлев получил орден Красного Знамени. Двое бойцов были удостоены звания Героя Советского Союза.

...Из той первой поездки Берлев вынес стойкое ощущение, что страну ждут тяжелые, кровавые события. Да и сами «альфовцы» из группы Балашова хлебнули сполна. Например, в Джелалабаде, где произошел военный мятеж. Лопанов и Мазаев чудом остались в живых, проявив себя наилучшим образом. Не менее, пожалуй, драматические события развивались в Герате — в руках мятежников оказалась афганская пехотная дивизия.

События в Герате можно назвать резней. И там тоже погибли советские граждане. Геннадий Кузнецов и Павел Климов вышли из этой передраги с честью.

Лично Берлеву, помимо Кабула, довелось еще поработать в Гардесе — это административный центр одноименной провинции, который находится на высоте 1500 метров над уровнем моря. Он заменил там Николая Швачко и работал в паре с Вячеславом Панкиным.

Сотрудники «Альфы» охраняли оперативную группу, в которую входили два офицера из Ярославского УКГБ, сотрудник особого отдела из Горького (ныне — Нижний Новгород) и пограничники. Базировались на окраине города, в домике за забором. Во всех поездках и встречах охраняли наших военных советников, а также, рискуя жизнью, доставляли важные сведения в Кабул — туда и обратно, без вооруженного сопровождения. Дорога — не ближний свет, всякое могло случиться, но Бог миловал.

Кстати, в Гардесе тоже вспыхнул военный мятеж, но его быстро ликвидировали сотрудники афганской контрразведки. Обошлись своими силами. Хотя могло все закончиться трагически.

Через 12 лет, в августе 1991 года, «Альфа» откажется стрелять в безоружную толпу у Белого дома. А в октябре 1993-го не станет расстреливать парламент, что ей, конечно, не простят.

КРЕСТ ПРИМИРЕНИЯ

Всякого, кто первый раз окажется на сельском кладбище, у старого русла Дона (оно окружено статными соснами и тополями, которые высаживал отец Берлеву), поразит внушительная чугунная ограда в семьсот с лишним метров и пятиметровым крестом. «Землякам от Николая Васильевича Берлеву», — гласит табличка у входа на погост.

Н.В. Берлев (в центре) с земляками

Кладбищу в Нижнем Мамоне — четыреста лет. Впрочем, оно всегда было старым, запущенным. Еще в детстве Коля узнал, как здесь в далеком 1920 году во время восстания красные расстреляли массу людей. В переулок, где живут Берлевы, согнали мужчин. Трупы потом развозили на санях и сбрасывали к воротам.

В годы Великой Отечественной войны в эту землю зарыли еще около тысячи человек, устроив братскую могилу длиной в полтора метра и в сорок шириной.

— Это случилось в сорок втором году, — вспоминает Николай Васильевич. — Бабушка Вера рассказывала, когда я подросток. Но место захоронения людей на Нижне-Мамоновском кладбище никак не обозначили. Ни крестиком. Ни деревцем. Ни цветком...

Когда Берлев, приехавший, чтобы почтить память отца, Василия Семеновича, который тоже здесь лежит, увидел, как на земле, где похоронены люди, пасется скот, не выдержал, сказал в сердцах: «Креста на вас нет...» И ночью ему приснился крест. И еще ограда.

В 1985 году Николай Васильевич Берлев по выслуге лет ушел из органов. Работал то дежурным механиком, то инспектором охраны банка. Затем создал свое частное охранное предприятие.

— Наша столичная охранная фирма «А-Щит» к тому времени встала на ноги, и я понял, что смогу по финансам осилить это дело. Меня и до сна о кресте это кладбище мучило. А тут понял: надо что-то делать.

Раз сто, наверное, Берлев мотался из Москвы в Воронеж, на завод «Сельмаш». Все договаривался, договаривался... И не просто Крест заказал. Навел порядок на кладбище. Ограду красивую в семьсот метров поставил. Одного только бетона ушло сто тонн. Сто кубов грунта разровняли.

— Я хотел, чтобы ограда эта долго стояла. Рабочие трудились на погосте с восьми утра и до десяти вечера.

И все время Берлев был с ними. Ни на шаг не отходил. И Крест поставил. Точь-в-точь, как в том сне. Чугунный крест. Пяти метров высотой и весом в три тонны. Крест для всех: и для тех, кого убили, и для тех, кто убивал.

— Я хотел, чтобы этот Крест всех их примирил, — признавался он. — Все мы в ответе за землю нашу, за дела наших рук, за свое настоящее и будущее, и за прошлое мы тоже в ответе.

Разные люди любили эту землю и ложились в нее, как в одну могилу, убитые друг другом. И только она, одна Россия, в конечном счете, и роднит, и примиряет людей. Наверное, в этом и есть главный образ нашего спасения.

В 1995 году Берлев перезахоронил останки воинов, погибших в Великой Отечественной. Кто-то из этих бойцов у кого-то в огороде был похоронен, кто-то — в лесу. Николай Васильевич организовал достойное торжественное их перезахоронение на кладбище.

Берлев помогает землякам. Оплатил в Москве консультации и хирургические операции пятидесяти семи мамонцам, оказывает помощь сельским больницам деньгами, медицинским оборудованием. Провел водопровод и установил телефоны семьям ветеранов войны и труда. Восстанавливал церковный храм и церковно-приходскую школу в родном селе. Поддерживал раненых в Чечне солдат.

Он издает книги о прошлом малой родины. Помогает семьям погибших сотрудников группы «Альфа» и ветеранам Верхнемамонского района. Учредил премии лучшим ученикам и выпускникам средней школы села Нижний Мамон и детской спортивной школы района. Взял шефство над детским домом Верхнемамонского района — одел детей, купил им учебники, игрушки. Всех детей района застраховал от несчастного случая...

ЭКСПЕДИЦИЯ ЗА ДОН

Земля мамонская — страданица. Здесь, по реке Дон, в сорок втором проходила линия фронта, где гудела, горела земля. Наши солдаты сдерживали натиск врага, стояли насмерть. По сути, на этой земле был предreshен исход Сталинградской битвы.

В дни празднования 65-летия Великой Победы между Москвой и Средним Доном протянулась прочная нить, связавшая ветеранов подразделения «Альфа» и юг Воронежской области. На этой благодатной земле, в Верхнемамонском районе, прошли Вахта памяти и уникальная поисковая экспедиция, увенчавшаяся успехом.

7 мая гости из Москвы выступили на торжественном собрании, посвященном 65-летию Победы. Его участникам было зачитано поздравительное письмо президента ветеранского сообщества Группы «А» КГБ-ФСБ, депутата Московской городской Думы Сергея Гончарова, адресованное жителям Верхнемамонского края.

«Мы знаем, — говорилось в нем, — что здесь, на Среднем Дону, летом 1942 года были остановлены полчища врага. И отсюда в декабре 1942-го началось победоносное наступление на Сталинград, вошедшее в историю как знаменитая операция «Малый Сатурн».

Ваша земля, обильно политая кровью наших отцов и дедов, является частью памяти и нашего спецподразделения. Уроженец Нижнего Мамона Николай Васильевич Берлев — ветеран первого состава группы «А» 7-го управления КГБ СССР. Вместе со своими товарищами он снискал неувядаемую славу 27 декабря 1979 года во время беспримерного по дерзости штурма Тадж-Бека — хорошо укрепленного дворца кровавого афганского диктатора Хафизуллы Амина.

И здесь же, на придонской земле, весной 2007 года поисковый отряд нашел останки командира 267-й стрелковой дивизии полковника Андрея Кузьмича Кудряшова, героически погибшего во время операции «Малый Сатурн», — род-

ного деда нашего «альфовского» историка и журналиста Павла Анатольевича Евдокимова. Удивительным образом история переплетается в людях и судьбах!»

Перед торжественным собранием в лицее Верхнего Мамона был проведен урок мужества. Павел Евдокимов передал в дар учебному заведению пробитую осколком военную карту Генерального штаба РККА. Она имеет карандашную отметку: «гибель Бати» и крестик — указание на место смертельного осколочного ранения комдива Кудряшова.

А уже 8 мая под руководством заслуженного учителя России, директора лицея Василия Ивановича Дудкина была осуществлена экспедиция на поля соседнего Богучарского района. Здесь в декабре 1942 года советские войска, форсировав Дон и взломав эшелонированную оборону гитлеровских, итальянских, мадьярских и румынских частей, развивали победоносное наступление на Сталинград, начатое с рубежей Верхнемамонского района.

В районе села Дубовиково участниками экспедиции было найдено место гибели полковника Андрея Кузьмича Кудряшова, руководившего 17 декабря 1942 года ожесточенным боем, и зафиксирована высота, откуда по нему прямой наводкой выстрелило немецкое орудие. Ориентиром послужила та самая отметка на карте, сделанная ординарцем комдива, и точное знание Василием Дудкиным своей малой родины — села Дубовиково и его окрестностей.

Большое впечатление у участников экспедиции вызвал вид растущего тут дерева — оно имеет форму креста...

Как заметил Николай Берлев, на этом месте обязательно должен быть установлен памятный знак — камень.

Сам же Николай Васильевич занимается восстановлением Михайловской церкви в Нижнем Мамоне, выстроенной в 1907 году. Одними из первых, кто венчался в ней, были его дедушка и бабушка — Семен Никанорович и Евдокия Васильевна Берлевы.

До 1935 года церковь оставалась действующей. Затем ее закрыли. Священника вместе с семьей сослали на Колыму. Во время войны в ней содержали пленных итальянцев, а потом в храме размещались склады зерна местного сельпо.

В начале 1960-х годов с Михайловского храма свалили великолепный храмовый купол. И только колокольня, как Адмиралтейская игла в Петрограде, возвышалась над селом. На ней чудом сохранился больших размеров ажурный чугунный крест. Уцелели стены здания. Часть храма возрождена, и там идет служба, но впереди большой фронт работы для жертвователей, благотворителей и вообще неравнодушных людей.

Помощь Берлеву в этом оказывает Фонд социально-экономической реабилитации сотрудников и ветеранов спецслужб и правоохранительных органов «Альфа-Центр» и его президент Сергей Онищенко.

А недавно, в ноябре 2016 года, Николай Васильевич снова отправился в Нижний Мамон — предстояло решать неотложные дела в приходе.

И был крестный ход. Вместе с прославленным земляком шли глава района Николай Быков, фронтовик, бывший авиационный техник Константин Иванович Колесников — гордость Верхнемамонского края, энергичная, деятельная Галина Неповинных, староста, и другие земляки.

И все эти годы Николай Васильевич разрывается между столицей и Доном, стараясь при первой же возможности побывать на своей малой родине. И не просто побывать, а оказать посильную помощь. Как он сам любит говорить: «Человек может поменять родные места, а вот Дон-батюшка не меняет свои берега».

Вклад Берлева в добрые дела отмечен званием «Почетный гражданин Верхнемамонского района».

Он уверен: «Храму в Нижнем Мамоне быть, и ничто уже не помешает его возрождению. Полное восстановление Михайловской церкви ветеран группы «Альфа» считает делом своей жизни.

За несколько дней до своей блаженной кончины Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II наградил Николая Берлева орденом Святого Благоверного князя Дмитрия Донского и передал ему в дар Библию — «в благословение на доброе здравие и благополезную деятельность».

— Я в Бога всегда верил, — на это ответил Николай Васильевич. — Перед штурмом дворца Амина я и все мои товарищи, как признались позже, просили: «Господи, спаси и помоги!..»

